



Вл. НОВИКОВ

К 90-летию
со дня рождения
В. Каверина

Художник неизвестен?

Его часто числят по ведомству гражданской
литературы, меж тем как в глубине души он был эстетом
и в искусстве больше всего ценил искусство

«У МОЕЙ дочери во дворе спрашивали: «Где твой папа работает?» — «Он писатель, сидит дома и пишет: В. Каверин, В. Каверин, В. Каверин...»

Рассказывал он это смеясь, но в шуточном семейном предании таилась и некоторая доля серьезности. Не так уж легко научиться писать собственное литературное имя, выстроить его, а потом ему соответствовать. Литераторы серебряного века и ранних двадцатых годов выбирали псевдонимы не для маскировки, а наоборот, с вызовом, дерзая состязаться в славе с людьми пушкинской эпохи. Так Ф. Сологуб превзошел известностью графа Соллогуба, так фамилия воспитанника Пушкиным гусара, обретая иной инициал, сделалась одним из известных писательских имен уходящего столетия. Когда редакторы пытались для солидности дописать «Вениамин» — он всегда вычеркивал лишние буквы: его имя именно «Вз Каверин», предназначенное звучать и рифмоваться в русском литературном языке со словом «уверен».

Десять лет назад отмечалось его восьмидесятилетие. Мы с О. Новиковой тогда писали книгу «В. Каверин», и потому нам было поручено сделать телевизионную беседу с юбиляром. Вопросы для нее сочинили вместе, а перед камерой рядом с Кавериним посадили более телегеничного из соавторов.

Собрались с режиссером и редактором в Останкине посмотреть смонтированный материал. Потом мы оказались с Кавериним вдвоем в лифте, и он вдруг как-то сокрушенно прокомментировал увиденное: «Ольга Ильинична такая красивая женщина, а я...» И махнул рукой. Мне это показалось тогда не то неуклюжей шуткой, не то маленьким кокетством усталого человека. Теперь понимаю, что желание быть красивым для писателя абсолютно естественно: с него начинают и творческое перевоплощение, и

поиск эффектного сюжета, и забота о звучании фразы.

Каверина часто числят по ведомству гражданской литературы, меж тем как в глубине души он был эстетом и в искусстве больше всего ценил искусство. Доротея Бернхардт из Кельна написала большую работу о его романе «Художник неизвестен» — своеобразном памятнике русскому авангарду двадцатых годов. Приехала в Москву поговорить со знающими людьми, а выяснилось, что здешние литераторы этого романа просто не знают, в руках не держали...

Позвали мы тогда в передачу Шкловского, чтобы свели они с Кавериним свои счета полувековой давности. Шкловский покапризничал: «А чего это я должен к нему тащиться? Венка, молодая собака, мог бы и сам ко мне прийти» (Шкловскому было тогда 89, на девять лет больше, чем Каверину). Уникальный обмен колкостями перед телекамерой состоялся, но финальный выпад Каверина был сделан в его книге «Эпилог», увидевшей свет, когда обоих уже не было в живых. Глава о Шкловском самая несправедливая в этой живой и искренней книге: все слабости персонажа там налицо, а сила мысли и мужественные поступки вынесены за скобки. Что делать, люди, страстно преданные литературе, нередко бывают пристрастны друг к другу. Вот и сейчас мы сетуем, что лучшие умы разобщены, а бездарности отлично сплочены. Это, видимо, универсальный роковой закон: талантам никогда не стать стадом.

Писательские имена в массовом сознании нередко выстраиваются в пары: Пушкин — Лермонтов, Бунин — Куприн, Ахматова — Цветаева, Евтушенко — Вознесенский... Иногда это делается по чисто звуковому сходству: бывает, что Федина путают с Фадеевым. Каверина судьба поставила в пару с Катаевым. Неловкое было соседство, и двум патриархам при

случайных встречах на переделкинских тропинках приходилось заслоняться друг от друга зонтиками.

Во многом они были антиподами. Каверинский автобиографический роман «Освещенные окна» построен на предельной достоверности, а катаевский «Алмазный мой венец» — на театральном смещении фактов и выдумки. Шкловский откликнулся злой эпиграммой, впрочем, совсем не смешной, Каверин развенчал «Венец» в интервью юрмальской газете (центральной пресса не могла тогда тронуть Героя Социалистического Труда). Дискуссия продолжалась и дома. Лидия Николаевна восклицала: «Почему это Таня и Костя Есенины не набьют Катаеву морду?» («Морда» в ее устах звучала как предельно грубое слово.)

Мы тайне считали «Венец» талантливой вещью, но не спорили, понимая: здесь разворачивается не бытовой конфликт, а та высокая ссора, та сшибка стилей творческого поведения, без которой литература существовать не может.

«Ваш Каверин, конечно, благородный, порядочный человек, но как писатель он, по-моему, так себе...» Слыхал, слыхал я такую точку зрения, у которой, я сказал бы, даже есть свое лицо — лицо самодовольного и заурядного литератора, нетерпимого к чужому успеху.

Как тут будешь спорить? Ну откройте хотя бы «Освещенные окна», прочтите страницы о любовном опыте автора-героя, его отношениях с Валецкой К. Отважная откровенность, притом без самоумаления мазохистского. Не много есть таких книг, помогающих научиться не врать себе. Вы умеете писать так же, не хуже или даже лучше? Умоляю, дайте прочесть. Обещаю самую восторженную рецензию.

— Почему это критик А. так превозносит посредственный роман писателя Р.?

— Понимаете, Вениамин Александрович, критик А. считает, что эстетические оценки неважны. Для него главное — его собственные рассуждения, имеющие, как он убежден, самостоятельную ценность...

— Ценность? Три копейки!

Каверин встречает нас на веранде переделкинского дома, печальный, больной.

— Нет пророка в своем отечестве, — вздыхает он.

Оказывается, домашние еще не прочли его очерк об Антокольском, только что вышедший в «Новом мире». Но после нескольких вопросов о его делах он уже бодр и весел.

— Сейчас я буду хвастаться.

Показывает полученные им письма, подарки... Пишущему человеку всегда не хватает внимания. Даже самая большая известность не утоляет этой вечной жажды.

Сам Каверин все читал сразу. Привезешь ему что-нибудь свое ли, чужое, только успеешь добрататься из Переделкина до дому — уже звонит поделиться впечатлениями.

Никогда не терял интереса к литературе.

Роман «Два капитана» вовсе не такой уж советский, как полагают некоторые. В его основе — общечеловеческая идея романтически-максималистского отношения к своей профессии, недаром формула «Бороться и искать, найти и не сдаваться» восходит к девизу Фридриха Нансена. Саша Григорьев вовсе не «положительный герой», а всего-навсего страстный профессионал, порой слишком беспощадный к окружающим. Для меня лично особенно важна была сама мифология «двух капитанов», людей разных поколений, иногда даже незнакомых, но связанных судьбой и делом жизни.

У нас с Кавериним оказался общий капитан Татаринов — Юрий Тынянов. И когда Каверин позвал меня написать вместе книгу о Тынянове — это было приглашение в экспедицию.

Одному из соавторов в момент начала работы было 83 года, другому — 38. У Каверина уже был определенный «задел», и мне приходилось потираливать со своими главами. Если говорить честно, только тогда я научился работать — у Каверина. До этого я всегда был загружен заказами от редакций, список долгов вывешивал над письменным столом, не зная, за каким зайцем гнаться в первую очередь. Большие же книжные замыслы были рассчитаны на вечность.

А как работал Каверин? Если его просили написать какую-нибудь мелочь для периодики, он не чинился, не набивал себе цену, а сразу говорил да или нет. Если соглашался, то писал немедленно, отложив на несколько дней работу над прозой, а потом снова к ней возвращаясь.

Метод простой, честный и разумный. Но почему-то многим он остается неведом. Недаром в нашей литературе предостаточно пятидесяти-, а то и шестидесятилетних вундеркиндов, так и не вышедших степеней своей одаренности. Просто не прописались.

Писатель — это тот, кто всегда пишет книгу, кто живет и умирает inter opus.

На юбилейные мероприятия, извините, пойти не смогу. Знаю заранее все штампы, которые там будут оглашены: про гражданскую позицию, чуждость и прочее.

Есть еще один простой признак настоящего писателя. Будь он отшельник или общественик, как человек он все равно остается для окружающих неизвестен в самом главном своем. Душу можно вместишь только в книги, которые, может быть, потом кто-то, какой-то твой второй капитан, откроет и прочтет.